Table of Contents

1. Выбор Щербатой
2. Жертва Тростинки
3. Мне жаль, что так вышло
4. Неужели она умирает?
5. Чем внимательней ты смотришь, тем легче тебя обмануть

Выбор Щербатой

Дробный топот лап стихал вдали, и лагерь Грозового племени стал потихоньку зализывать свои раны.

Щербатая, пошатываясь, подошла к Хвостолому. Бывший предводитель лежал на боку, раскидав лапы в разные стороны, его слепые глаза были открыты и смотрели в пустоту, в уголке рта была кровь. Кажется, кот был без сознания. Серая кошка подсунула морду под его лапу, откинула ее и тихо застонала: на шее Хвостолома красовалать открытая рана с рваными краями. Из нее фонтаном хлестала кровь. Кот терял очередную свою жизнь.

Щербатая заткнула его рану паутиной, взвалила тело полосатого кота себе на спину и поволокла к себе в пещерку под недовольный взгляд помятого Дыма. Бурому коту досталось больше всех, на момент нападения бродяг на лагерь он сторожил Хвостолома, и тот набросился на него, застав в расплох.

Щербатая так задумалась, что не заметила, как тело бывшего предводителя соскользнуло с ее спины и с глухим стуком упало на каменный пол пещеры. В тот же миг Хвостом начал приходить в себя, кот глухо застонал, пытаясь пошевелить какой-нибудь частью тела.

- Где я? - прохрипел он. - Это Звездное племя? Почему я не вижу вас?

Солнечный свет проникал в пещеру сквозь полог из папоротников, освещая пылинки, летающие в воздухе. Холодное дыхание Голых Деревьев чувствовалось повсюду, поэтому каменный пол пещеры целителей был просто ледяным. На миг Щербатая перевела взгляд на раненого и растаяла от нежности: каким же он был красивым, просто вылитый Клок Кометы! Даже свалянная не вылизанная местами выдранная шерсть и старые шрамы не уродовали его тела, ведь так он

даже больше походил на своего отца. Даже то, что сейчас его глаза были пустыми, бесцветными и покрытыми пеленой, не делало его менее похожим на отца.

- Кто тут? - снова застонал Хвостолом, мгновенно вернув Щербатую с небес на землю. - Скажите, где я?

- Лежи спокойно, Хвостолом, - пробормотала Щербатая, подоткнув под бока кота мягкий мох. - Ты потерял еще одну жизнь, но скоро поправишься.

- Что ты несешь?! - фыркнул Звездолом, но от потери крови его голос прозвучал совсем слабо, но кажется, он узнал Щербатую, поэтому старался наполнить тембр своего голоса враждебностью и презрением. - Если я потерял еще одну жизнь, то почему мои раны не перестали болеть?!

Щербатая зажмурилась от боли и попыталась собрать мысли в кучу. Как же страшно знать, что у твоего единственного выжившего сына что-то болит! И одна из этих ран нанесена тобой.

- Звездное племя излечило только смертельную рану, - заворковала целительница, пихая под нос Хвостолому травы, восстановляющие силы, со звоном роняя на каменный пол пещеры соленые материнские слезы. - Остальные нуждаются в умелых лапах целительницы.

- Так чего же ты ждешь, старая чумная крыса! - зашипел Хвостолом, одним взмахом лапы расшвыряв лекарство, которое дала ему Щербатая. - Шевелись! Дай мне что-нибудь, чтобы облегчить эту боль!

- Как скажешь! - голос кошки заледенел, она сунула лапу в небольшую выемку в скале и выкатила оттуда три ярко-красные ягоды. - Вот, съешь эти ягоды, и боль навсегда покинет твое тело.

Она взяла Хвостолома за его холодную лапу и помогла нащупать так называемое «лекарство». Кот слизнул сразу три ягоды и стал усердно с энтузиазмом жевать. Щербатая глядела

на него, не моргая, ее лицо ничего не выражало. Она наклонилась к его уху, а когда решила заговорить, ее голос был тише шелеста колосьев на ветру:

- Когда мое племя изгнало меня, я пришла сюда, - она вновь зажмурилась от боли, вспомнив тот страшный день. Как все они, ее бывшие соплеменники, могли слепо идти за убийцей, не понимая того, что уничтожают сами себя? Они совсем не понимали, что за их спинами сидят предатели, обсуждающие заговор, готовые воткнуть любому из них когти в горло. Щербатая едва слышно вздохнула и продолжила с легкой, едва заметной улыбкой: - Я тоже была пленницей, как и ты. Грозовое племя никогда не обижало меня, и я сумела заслужить их доверие и даже стала целительницей. У тебя тоже была возможность заслужить доверие тех, кто тебя приютил. И что ты сделал? Кто теперь тебе поверит?! - ее улыбка бесследно пропала, голос был суровее стужи во время сезона Голых Деревьев, с каждым словом она все больше распалялась, ее выцветшие желтые глаза горели яростным пламенем. «До каждого можно достучаться! - эта светлая мысль сейчас была на первом плане в ее голове. - Если я смогу изменить Хвостолома, то он станет лучше!»

- Неужели ты думаешь, что меня это заботит? - презрительно фыркнул кот, из его горла вырвался странный звук, похожий на едкий смешок.

Щербатая склонилась над ним еще ниже, ее глаза сверкали еще ярче.

- Я знаю, что тебе ни до кого нет дела, Хвостолом. Тебе плевать на свое племя, на честь, на собственную родню. - Теперь ее было не остановить, слова лились из нее потоком, и с каждым словом все яростней и яростней.

- У меня нет родни, - торжествующе процедил Хвостолом.

- Ошибаешься. Твоя родня гораздо ближе, чем ты думаешь... Я твоя мать, Хвостолом.

Всю жизнь она ждала этого момента, наконец-то он свершился!

Всю жизнь она хотела сказать этому коту о том, как он близок ей, как она его любит...

Хвостолом снова издал какое-то горловое бульканье, похожее на смех.

- В твоей пустой башке пауки сплели паутину, старая дура! - насмешливо прохрипел кот. - У целителей не бывает детей!

«Неужели ты еще что-то помнишь из Воинского Закона?» - с сарказмом подумала Щербатая и продолжила:

- Именно поэтому мне пришлось отказаться от тебя, - она снова и снова зажмуривала глаза от боли, вспоминая, как ее любимый сыночек лежит рядом с кошкой, которая его ненавидит. - Но я никогда не переставала любить тебя... никогда. Как я гордилась тобой, когда ты стал молодым воином! - голос кошки сорвался и перешел в рычание. Сама она уже давно тряслась от бессильной ярости. - А потом ты убил Клок Кометы. А ведь он был твоим отцом. Ты погубил котят нашего племени, но позор пал на мою голову. Если бы тебя не остановили, то ты бы полностью уничтожил свое племя... Пришло время положить конец твоим преступлениям.

Хвостолом затрясся от смеха.

- Конец? Что ты хочешь этим сказать, старуха... - он попытался подняться, но лапы его подкосились и он тяжело завалился на бок. Последовал тонкий жалобный вой, от которого застывала кровь в жилах. - Что ты наделала? Я не могу... я не чувствую лап... Я не могу... вдохнуть...

Щербатая склонилась над ним, ее глаза превратились в узкие щелки.

- Я дала тебе смерть-ягоды. Это твоя последняя жизнь, Хвостолом. В таких вещах целители не ошибаются. Ты больше не сможешь никому причинить зла.

Жуткий, полный ужаса вой, в котором будто бы слышалось запоздалое раскаяние, Щербатая слышала словно сквозь толщу

воды. Ее остекленевшие от боли глаза не видели ничего. Горькие слезы матери, потерявшей ребенка застилали взор.

Щербатая пару раз вдохнула, пытаясь успокоиться, наклонилась и уткнулась носом в еще не остывшее тело Хвостолома.

Жертва Тростинки

Битва была в самом разгаре.

В гуще сражения невозможно было протолкнуться. Овраг, в котором находился лагерь Грозового племени, был залит кровью, надрывные яростные вскрики ежесекундно взлетали к черному глухому небу.

На краю поляны уже лежали тела черной воительницы Остролистой и сварливой старейшины Кисточки. Над ними склонились старый Пурди, Грач из племени Ветра и незнакомый Тростинке рыже-белый кот.

– Я обещал ей, что мы встретимся вновь... – сквозь слезы шептал последний, его голос то звучал громче грома, то утопал в шуме битвы. – Я обещал, Сломанная Тень, обещал...

Искра с яростью драла сразу нескольких нападающих, ее глаза были абсолютно пустыми, морда перепачкана в крови, губы растянуты в усмешке презрения к самой себе... Неподалеку бок о бок боролись Пеплогривка и Львиносвет, их шерсть смешалась, а движения были настолько отлаженными и синхронными, что казалось, что они всю жизнь тренировались вместе.

Дух Синей Звезды бок о бок с изящной белоснежной кошкой боролся с воинами тьмы, Буран поднырнул под расставленные лапы Частокола и хорошенько прочесал его живот, Долгохвост безжалостно драл какого-то черного кота. Мимо застывшей Тростинки пронесся дух ее брата, Уголька, весело кинув:

– Веселой ночи, сестричка!

Вот в лагерь вбежал отряд Медуницы и бросился на помощь Звездным котам. Отряд Остролапа не сдавался, продолжая теснить Грозовых воителей. Вот сам Остролап с визгом кинулся на Синюю Звезду со спины, но прежде, чем кошка успела

обернуться, Остролапа сбил в полёте Долголап, и коты, сцепившись, покатились по земле. Белая кошка, стоявшая рядом с бывшей предводительницей Грозового племени пустым взглядом проводила сражающихся котов, сморгнула слезы и бросилась в гущу битвы. Вот Терновник спрыгнул с ветки бука на кого-то оборванца и стал безжалостно рвать его на куски, а огромная барсучиха Полночь гнала целую свору визжащих воинов Тьмы в заросли ежевики за палаткой целителя.

Тростинка оторвала взгляд от созерцания битвы, развернулась и прочесала морду какой-то крапчатой кошке. Та взвыла, повалила Тростинку на землю, собираясь распороть ей живот, но королева резво лягнула ее задними лапами в челюсть, от чего ее противница отлетела на другой конец лагеря. Тростинка раздала еще пару подзатыльников слишком самоуверенным нападающим, и кинулась к Детской.

«Они теснят нас туда!» – подумала она, увидев, какой жадный взгляд кинула та самая крапчатая кошка на небольшую прореху, где пищали котята.

Из Детской выкатились яростные взъерошенные Ромашка и Яролика. Ромашка накинулась на ближайшего кота, тут же растерзав его, а Яролика поднырнула под расставленные лапы черного кота и подбросила его вверх.

«Кто же остался защищать котят?» – похолодев, подумала Тростинка и с диким воплем кинулась в Детскую, лягнув кого-то в морду.

Серая кошка закрыла своим хрупким телом подстилку, на которой сидели котята. Она оскалила зубы и зарычала, завидев приближающегося крупного кота, пытавшегося протолкнуться в Детскую. Ромашка и Яролика не могли помочь подруге, их оттесняли подальше друг от друга, чтобы растерзать поодиночке. В глазах Тростинки горела неудержимая ярость и ненависть, она шипела на приближающегося кота, брызгая слюной, она не могла отпрыгнуть в сторону, ведь она защищала котят, представляя, что за ее спиной сидят Березовик, Остролисточка и Хвоинка, холодные и голодные, которым угрожает опасность.

– Звездолом! – ахнула кошка, узнав нападающего, но тут же зашипела, захлебываясь ненавистью: – Пошел вон из Детской, пока не превратился в клочья тумана!

Звездолом растянул губы в оскале и стал медленно приближаться, изводя свою жертву.

– И кто же сможет меня победить? – вкрадчиво пророкотал он. – Ты или эти жалкие отпрыски? – кот презрительно махнул хвостом в сторону котят. – Сдавайся, Тростинка! Твои подруги тебе не помогут! – он показал ушами в сторону Яролики и Ромашки, которые были в самом плачевном состоянии.

Тростинка ощетинилась, зная, что в меньшинстве ей ловить абсолютно нечего. Она зарычала, не зная, куда ей деваться, но Звездолом был все ближе, и поняв, что это неотвратимо, кошка сжалась в комочек, но осталась на месте.

– Ну так что? – промурчал Звездолом. – Ты можешь примкнуть к воинам Тьмы, достаточно будет того, что ты просто уйдешь отсюда, договорились?

– Никогда! – запальчиво выкрикнула серая кошка, но ее голос прозвучал неожиданно хрипло и жалобно, как у перепуганного котенка. – Я никогда не сдамся вам пока жива!

– Ну тогда умри! – глаза Звездолома сужались, пока не превратились в две узкие щелочки. Он припал к земле, все больше походя на хищника и накинулся на хрупкую Тростинку. Он схватил ее за загривок и выволок на поляну. Тростинка визжала, вопила и размахивала лапами; она брыкалась, шипела, кричала, но никто ее не слышал. Из глаз брызнули слезы.

– Тростинка! – завизжала Яролика, медленно поворачиваясь. Она уже порывалась кинуться на Звездолома, но какой-то кот схватил ее за хвост и оттащил обратно, раздирая ее бок. Королева повернулась и с размаху врезалась в его грудь лбом, от чего тот отлетел в сторону.

Несчастная Тростинка замерла и в ужасе уставилась на

нависшего над ней Звездолома, понимая, что помощь ниоткуда не придет. Безжалостный кот хищно улыбнулся, но его улыбка больше походила на оскал. Он впился в горло серой кошки, та глухо вскрикнула и замолчала. Звездолом отшвырнул от себя тело кошки, которая корчилась на земле от боли. Он склонился над ней, торжествующе впившись жадным взглядом в ее глаза.

– Тростинка! – прогремел над лагерем голос Огнезвезда, предводитель бросился к коричневому коту.

– Какая жалость, Огнезвезд, ты опять не успел! – ухмыльнулся тот.

– Звездолом! – ахнул рыжий кот и зарычал от бешенства.

Голоса становились все тише, пока не канули в бездну пустоты, а боль осталась. Тростинка видела, как Огнезвезд, словно пушинка, отлетел от Звездолома, как Песчаная Буря умоляла предводителя не драться со Звездоломом, как Щербатая схватила убийцу из Сумрачного Леса за горло и сжала челюсти. Отвратительный хруст позвонков слышала даже Тростинка, которую еще больше покоробило от этого.

Остальные бандиты с перекошенными от ужаса мордами бросились врассыпную, по поляне просеменили Кувшинка и Семечка, которых позвала к себе Медуница. Лунный свет пролился на неподвижное тело серой кошки. По склону оврага сбежал Дым, он был счастлив, но заметив Тростинку… Он споткнулся, замер, взвыл и бросился к ней. Он что-то говорил, кричал на Березовика и Ледосветик. Потом уткнулся носом в шерсть подруги, его тело сотрясалось от рыданий. Огнезвезд что-то ему говорил, пытаясь утешить, но Тростинка их не слышала. Она уже давно была мертва, только ее дух стоял рядом с телом, он с жалостью глядел на сгорбившегося от горя Дыма и шептал:

– Будь счастлив… будь счастлив… будь счастлив…

А Дым снова и снова заглядывал в ее глаза, надеясь увидеть там хоть один отголосок жизни, но глаза кошки оставались такими же пустыми и отчужденными, а былое нежное

изумрудное сияние померкло, оставив после себя лишь заледеневшие слезы.

Мне жаль, что так вышло

Темное небо, усеянное огромным количеством звезд, висело так низко, что казалось, чуть-чуть привстанешь на лапы - и непременно сможешь собрать горсточку маленьких, слабо переливающихся холодным белым светом блестяшек. Их неяркое мерцание, приглушенное полупрозрачными серыми облаками, медленно ползущими по небосклону, придавало сказочному миру вокруг некую очаровательную загадочность, не поддающуюся объяснению. Безликий диск огромной луны, наоборот, висел высоко-высоко, над небесами, выше облаков, где рождаются мечты и любовь. При этом он был настолько велик, что закрывал собой половину неба и затмевал своим ярким сиянием любой другой источник света. Звезды на фоне полной луны выглядели совсем ничтожно и чуждо, будто совсем не из этого мира.

Деревья приветливо шелестели своей зеленой, сочной листвой. Ее цвет был настолько насыщенным, что оттенял собой и белоснежные сарафаны грустных березок, и яркие наряды цветущих душистых розовых вишен и яблонь. Теплый ветерок едва-едва колыхал листья: резные, зубчатые, с огромным количеством прожилок, все до одного разные по размеру и по рисунку, по цвету и по форме. Некоторые листы, сорванные непослушным проказником-ветром, кружились в причудливых танцах, вырисовывая в воздухе заковыристые фигуры. За ними было очень интересно наблюдать: сначала лист начинал трепетать на ветру, как будто замерз, что хотелось накрыть его чем-нибудь теплым, чтобы согреть. После он отрывался от ветки и, медленно, чтобы не нарушать гармонии в природе, летел вниз, к земле, но озорной ветерок тут же подхватывал своего нового друга и уносил в совсем другое место, словно хотел добавить в свою и без того преполненную и настолько разнообразную коллекцию, что стоило глянуть на нее одним глазком – и в глазах начинал пестрить невероятный калейдоскоп всех оттенков зеленого и коричневого.

Плакучие ивы склонялись над лазурно-голубой водной гладью, задевая своими блекло-зелеными вытянутыми листьями быстрый поток. Маленькие серебристые рыбки плескались в воде, вспыхивающей переливающимися всеми цветами радуги искорками. Склон полого спускался к воде, мягкая прохладная зелень плавно переходила в короткую и жесткую траву, сменившуюся острыми камнями, хрустящими под лапами, и гладкой круглой галькой. В воздухе мягко кружился непроглядный речной туман, то укладываясь на землю, то вспархивая с нее, словно стайка перепуганных воробьев. Дымчатые волны окутывали золотистую шерсть, залезая в рот, нос и уши. Приходилось щурить глаза.

Совсем рядом с вьющейся голубой атласной лентой реки, в которой отражалось звездное небо и луна, светящие ярче любого солнца, раскинулась пустошь; в воздухе витали ароматы пыльцы, верескового меда и свежей дичи, так что пасть сразу же наполнялась голодной слюной. Высокие колоски мятлика и луговика покачивались на ветру, приклоняя свои тяжелые головки к земле. Ближе к реке земля становилась мягкой, пружинила под лапами, здесь она идеально подходила для рытья. Охотничьи угодья Звездного племени раскинулись здесь в ширь на столько, на сколько глаз хватало. Необъятные просторы предгорий пестрели разнообразными полевыми цветами, чьи головки были похожи на яркие разноцветные огоньки и ленты, вспыхивающие в зеленой траве, цвет которой ни в какое сравнение не шел с этими прекрасными бело-голубыми, красно-оранжевыми, желто-лазурными, изумрудно-фиолетовыми, мятно-сапфировыми, рубиново-медными и золотисто-серебряными цветами.

В холодном лунном свете все пейзажи становились как будто не настоящими, словно вышли из головы котенка, который никогда не бывал за порогом Детской, а только слушал рассказы королев да своих старших товарищей. Вода в реке тоже была ненастоящей, а словно сделаной из хрусталя, веками собиравшегося в овраге, где днем течет река. Сейчас же ровная гладь воды слабо поблескивала серебристыми искорками, словно застыла на одном месте, не зная, что ей делать дальше.

Мягкие белые лапки прошли вдоль реки по пружинистой земле, не потревожив ни одну травинку. Золотистая кошка вышла из затуманенной прибрежной полосы и отряхнула полосатую шерсть от осевшей на ней росы. Ее прекрасные глаза, напоминающие два осколка янтаря с застывшими в них пчелками, внимательно и жадно устремились вперед. Ее росписная, словно с какой-то фантастической картинки, шерсть едва заметно колыхалась под дуновениями ветра. Полоски цвета охры на ее спине напоминали старые охотничьи угодья племени Ветра, рассеченные, словно огромными когтями, со взрытой землей, вырубленными деревьями и огромными чудищами, нашедшими себе приют вне Гремящей Тропы. Одни и те же картины на протяжении долгих лун жизни снились Златошейке из ночи в ночь, но каждый новый кошмар был в сто раз ужаснее и страшнее предыдущего.

Златошейка робко вышла из леса и остановилась в том месте, где прекрасная сказочная страна вдруг сменялись гнилой землей и голыми скрюченными деревьями, с черно-коричневой гладкой корой. Чуть дальше они вытягивались ввысь, упираясь прямо в глухое темно-синее, почти черно-серое небо без звезд и луны. А есть ли там вообще небо? Не знал никто. Никто никогда не залезал настолько высоко, чтобы увидеть небо сквозь сплетение толстых голых ветвей. Можно было лезть вверх хоть до скончания времен – все равно. Возможно, там была пустота – черная и глухая. Но она была скрыта такими же черными, сухими ветвями, а ветви – непроглядным туманом. Белая туманная река ползла по земле, словно змея, поедая белые лапы Златошейки, скрывая их от обладательницы. А ее лапы были прекрасны: длинные, стройные и сильные, золотистые с белыми носочками и полосками, напоминающие шрамы от когтей, а рядом были рассыпаны пятна, словно камни, упавшие с разрушающейся горы.

Златошейка спряталась за невысокий терновый куст и негромко зашипела от досады – она же всю шерсть оставит на этих огромных колючках, похожих на огромные скрюченные когти! Кусты здесь были густые и непроходимые, сухие и очень ломкие, что незаметно пошевелиться в них не представлялось возможным, ведь любое движение переламывало как минимум

половину веток, при этот издавая оглушительный хруст.

Раздались шаги, и из чаши мертвого леса неторопливо вышел плечистый полосатый кот. Он был настолько огромен, что Златошейка на его фоне казалась настолько хрупкой, словно заденешь ее – она упадет и разобьется. Но Златошейка была не из хрупких. Она вытянула шею, жадно вглядываясь в образ своей единственной любви. Он таким и остался: коренастый, со стальными мышцами, выпирающими из-под коричневой шкуры с черными полосками, он был весь испепещрен шрамами. Медленно и величественно повернув свою лобастую голову, он уставился горящим янтарным взглядом прямо туда, где пряталась Златошейка.

– Выходи, – пророкотал он, его голос разлился, словно что-то вязкое и тягучее, перекатываясь ручьем с одного камня на камень, отразился в сумеречной тишине и канул звонким эхом в черную пустоту. – Я ведь знаю, что ты здесь.

Златошейка вышла из укрытия с высоко задранным подбородком и с печалью посмотрела на своего возлюбленного. Никогда она еще не переставала его любить, даже тогда, когда узнала обо всех его убийствах, обо всех преступлениях, обо всех нарушениях Воинского закона. Она никогда не переставала его любить.

– Здравствуй, Златошейка, – немного зло выдавил он, стараясь не смотреть ей в глаза.

– Здравствуй, дорогой, – звонко и нежно ответила она, садясь перед ним и вытаскивая из своей шерсти огромные колючки, размером с собачьи клыки.

– Зачем ты пришла? – рыкнул он, все-таки окинув ее неприязненным взглядом, словно кипятком. Златошейка внутренне содрогнулась, но внешне оставалась такой же спокойной.

– Я… хотела увидеть тебя, – ее голос все-таки предательски дрогнул, и она мысленно улыбнулась себе.

«Все будет хорошо», – заверила она себя.

– Уходи! – зашипел Звездоцап, замахнулся и прочесал бывшую подругу когтями по щеке. Та взвизгнула от неожиданности. Полосатый кот развернулся и медленно пошел в чащу, Златошейка смотрела ему в след, не смея заплакать.

– Мне жаль, что так вышло, – не поворачивая головы, бросил кот и скрылся за кустами. Она же развернулась и подавленно побрела в лес, к своему лагерю, но лапы сами понесли ее в сторону, к обрыву над рекой. Она встала на край, земля начала крошиться под ее весом, мелкие камешки с глухим стуком падали вниз и тонули в реке. Златошейка отступила немного от края и села на скалу.

Опустошенные янтарно-золотистые глаза уставились в пустоту перед собой, не выражая ничего, ни одной эмоции. Не было слез, боли, страданий и прочей мелодрамы.

– Я добилась своего, – тихо сказала Златошейка, поднимая глаза к небу. – Он меня не любит.

Вдруг яркий огненный росчерк разделил небо на две переполненные звездами половины, и золотистая кошка вскочила на лапы. В ее глазах отражалось все звездное небо. Она глядела в небо огромными глазами котенка, впервые увидевшего мир. А вон ещё один расчерк! И еще!

И еще!

Златошейка любовалась осенним звездопадом, сидя на краю пропасти. Звезды срывались с места и улетали за край неба, оставляя за собой серебристый мерцающий шлейф, который через мгновение тоже исчезал в след за своей обладательницей.

Через несколько секунд за горизонтом небо порозовело, переливаясь всеми оттенками красного, желтого, оранжевого и малинового. Нежно-розовая краска пролилась на черное полотно неба. За горизонтом вспыхнуло зарево. Это восходило солнце. Всегда такое прекрасное, величественное, обычно оно одаривало всех своих детей теплом и лаской. Сосны, стоящие в

далеке, окрасились в желтовато-коричневый цвет, из-за холмов выглянули первые лучи холодного солнца поздней осени. Последние теплые лучи заскользили по земле, прощаясь со всем, что так полюбили: с травой, с деревьями, с рекой, с листьями, с пустошью, со звездами, с ивами, с цветами, с котами... Златошейка зачарованно следила за восходящим солнцем, в оцепенении стоя на ледяной скале, обжигающей подушечки лап своим нестерпимым холодом. В ее глазах, словно два осколка желтого янтаря, отражались блики солнца.

В дневном свете все было не таким загадочным, но оно восстанавливало свои краски.

Небо поголубело, неподвижные облака приобрели свою знакомую кристально-чистую белизну. Подсвеченные солнечными лучами, они становились желто-голубыми или розовато-серебрянными. Звезд уже не было видно, яркое небесное светило затмило маленьких ночных светлячков своим ослепительным сиянием. Только луна где-то вдалеке виднелась, совсем блеклая, желтая, ничего не выражающая.

Река была без единой складочки, в ней отражались кучерявые прибрежные терновые и ежевичные кусты, медленно плывущие по небу перистые облака. Камыши склонялись над водной гладью, находя своих близнецов в кусочках хрусталя.

А на траве блестела хрустальная роса, похожая на горькие слезы.

Неужели она умирает?

Посвящается Милке и Белочке. Вы навсегда в моем сердце…

Ярость медленно, словно яд, распространялась по всему телу, сжигая все до тла, парализуя каждую молекулу. Глаза были жадно устремлены вперед, в них горело неудержимое желание разорвать воинов племени Теней на подстилки для старейшин, лапы отбивали дробный ритм. Губы были искривлены в оскале, из горла вырывалось рычание, переносица сморщилась. Белая шерсть прилипла к бокам, уши с серыми кончиками были прижаты к затылку. Ветер бил кошку в морду, шерсть трепыхалась, но в азарте погони Белогривка не замечала неудобств. Буквально несколько лисьих хвостов отделяло ее от нарушителей. Если она поднажмет, то сможет догнать их и задать такую трепку, какой они в своей жизни никогда не видели, чтобы отвадить желание охотиться на территории Грозового племени! Мало Солнцезвезду проблем с Речным племенем и бесконечных битв за Нагретые Камни – если еще и племя Теней станет воровать добычу у Грозовых котов, то от войны с соседями не отвертеться. Лапы застучали быстрее: надо догнать воров, догнать!

Сзади слышалось тяжелое дыхание Синегривки. «Глупая кошка! – зашипела про себя Белогривка. – Какой смысл ненавидеть Остролапа, если сама же влюбилась в Речного кота? Да еще в кого – в Желудя! В самого заносчивого, себялюбивого и эгоистичного кота во всем лесу!» Белая кошка побежала быстрее, перепрыгивая через ветки и камни.

«Для меня красота не важна… и вообще… не нужен мне друг, понимаешь?»

Белогривка еще яростнее зарычала. Она так и поверила! Сразу видно, что эта мышеголовая дурочка влюбилась до беспамятства в своего Желудя! Ну ничего, когда нарушители племени Теней будут далеко от границы с Грозовым племенем, белая кошка задаст сестре такую трепку, что та долго будет

обходить своего возлюбленного за десятки хвостов!

«Тоже мне счастье в жизни – торчать в Детской в окружении пищащего молодняка!»

Белогривка выпустила когти, сжав зубы. Она все поняла. Все это время Синегривка только притворялась, что любит Белыша, что рада за сестру, у которой родился такой замечательный сын...

Деревья слились в одно огромное расплывчатое зеленое пятно, которое внезапно стало редеть, перемежаясь с чем-то черным, нос неприятно обжег какой-то ужасный запах, но Белогривка сосредоточилась только на мелькающих впереди фигурах нарушителей. Вот все трое в панике бросились в рассыпную и один за другим скрылись среди темно-зеленых колючих сосен на своей стороне границы. Белогривка выпрыгнула на что-то твердое и шершавое, проскользив по нему подушечками лап, а потом зашипела в след Сумрачным воинам:

– Вы так легко не уйдете!

Она подготовилась к прыжку, напрягая все мышцы, как вдруг ее на миг ослепило яркой белой вспышкой, а в следующий миг в ее бок врезалось что-то огромное на запредельной скорости, выбив весь дух из легких. Еще через несколько мгновений она шлепнулась на тропу, которая была у нее под лапами всего пару секунд назад.

– Не-ет! – закричала Синегривка, закрывая глаза от ужаса. Сестра бросилась к какому-то неопознанному белому объекту, лежащему на траве, на границе с племенем Теней.

Ничего не понимая, Белогривка с неожиданной легкостью вскочила на лапы и в замешательстве огляделась. Она же осталась точно такой же, вот лапы, вот хвост... что же поменялось?

– Синегривка! – позвала белая кошка. – Что происходит?

– Белогривка? – прошептала сестра, склонившись над кучей

белой окровавленной шерсти. – Вставай, Белогривка! Нам нужно в лагерь, чтобы доложить Солцезвезду о нарушителя племени Теней...

– Да вот же я! – белоснежная кошка затрясла сестру лапой. Та никак не откликалась.

Вот из кустов высунулись перекошенные от ужаса мордочки дрожащих воинов племени Теней. Они переглядывались, с сожалением бросая косые взгляды на серую воительницу Грозового племени. Синегривка пыталась поднять белую кучу шерсти, но та скользила по траве и падала, оставляя кровавый след.

Белогривки словно никогда и не было.

Вот выбежал отряд Змеезуба. Он, Рябинка, Дроздовик и Кривуля тоже остановились около белой кучи на пропахшей гарью траве. Белогривка облегченно вздохнула.

– Дроздовик! Рябинка! Кривуля! – звала она. – Змеезуб! Я тут!

Но никто и ухом не повел. Никто не обратил на нее никакого внимания. Она подошла ближе и увидела кошку, очень похожую на нее саму. Ее прекрасная мордочка исказилась от боли, глаза закатились. Из рта потекла тоненькая струйка крови.

«Неужели, она... она... умирает?..»

Соплеменники подняли тело и понесли в сторону лагеря. Кривуля обняла дрожащую Синегривку.

– Она просто ранена, просто ранена... – бормотала сестра.

Белогривка побрела за своими соплеменниками в скорбном молчании. Казалось, что весь лес замер, оплакивая смерть кошки. Деревья не шумели, листья потускнели, забыв свои весенние песни солнца и счастья. Облака собирались на небе лиловыми тучами, закрывая собой мрачное серое небо.

На вершине холма перед лагерем Грозового племени отряд

остановился. Змеезуб повернулся к сгорбившейся Синегривке. Ее голубые глаза были размером с луну, и Белогривка на миг стало жалко сестру.

– Тебе надо рассказать Белышу, – проронил Змеезуб.

– Почему я? – сипло произнесла Синегривка.

– Потому что ты его любишь.

Белогривка вздрогнула.

«Белыш!»

Не дослушав до конца, кошка влетела в лагерь и бросилась к Детской.

– Белыш! – радостно позвала она. Она остановилась с улыбкой, ожидая, что котенок с писком выбежит ей навстречу, но ничего не происходило. Улыбка медленно исчезала, кошка в тревоге просунула голову в палатку, ведь раньше она никогда не оставляла Белыша одного. К ее облегчению, котенок был внутри, он играл с комочком мха, перекатывая его Когтишке.

– Белыш! – еще раз с уставшей улыбкой позвала кошка. Котенок и ухом не повел.

Зашуршали ежевичные плети, в палатку зашла Синегривка. В ее глазах застыла боль, сковавшая ее тело.

– Белыш... – тихо проронила она.

– Ага, вернулась! – радостно запищал малыш и глянул за ее плечо. – А где мама?

– Я тут! – тут же с готовностью ответила Белогривка, но Белыш словно не слышал ее, продолжая растерянно озираться по сторонам.

– Давай выйдем на воздух, малыш.

– Белогривка принесла мне подарок?

Когтишка, тут же потерявший интерес к хвосту Чернушки, уселся на пол и склонил голову к плечу.

– А можно, я тоже пойду?

– Нет, – холодно отрезала Синегривка, и котенок понял все с первого раза.

Синегривка повела Белыша к поваленому дереву, уселась между веток, прижав котенка к себе хвостом, и склонилась над ним. Проследив за ее взглядом, Белогривка увидела скорбную процессию, вносящую в лагерь тело бедной кошки. Послышались вздохи и наполненные болью завывания.

– Ну? – нетерпеливо спросил Белыш. – Где подарок? И где Белогривка?

– Я здесь! – в отчаянии завизжала кошка, но ее слова отразились от пустоты.

– Белогривка не вернется.

«Что?» – лапы белой кошки приросли к земле. Вот же она, тут, совсем рядом. Белогривка хотела прикоснуться к Белышу, но не лапа прошла сквозь плечо сына. Не веря своим глазам, кошка в ступоре стояла рядом со своей сестрой, ожидая ее дальнейших слов и действий.

– А когда она вернется?

– Никогда.

– Почему? – тут же глаза котенка наполнились слезами. – Она что, больше меня не любит?

– Очень любит, – Синегривка лизнула Белыша в лоб. – Просто теперь она в Звездном племени.

Глаза Белогривки опасно заблестели, она с открытым ртом слушала слова своей сестры. Если это шутка, то она очень жестокая.

– А мне можно к ней? – получив отрицательный ответ, Белыш нахмурился. – Но ведь Пышноус и Гусохвост ходят в гости к Звездному племени, почему мне нельзя?

– Это очень сложно... – Синегривка зажмурилась и сгорбилась, опустив голову. – Она умерла, Белыш. Ты больше не увидишь живого блеска в ее глазах, не сможешь почувствовать ее ромашкового запаха, не сможешь зарыться носом в ее белоснежную шерсть. Ее больше нет.

Из глаз Белогривки брызнули слезы, лапы подкосились, и кошка упала на землю. Она начинала все понимать.

– Это неправда! – истошно заорала она. – Я хочу жить!

Но ее никто не слышал.

Чем внимательней ты смотришь, тем легче тебя обмануть

«Лицом к лицу лица не увидать»

Сергей Есенин

«Чем вы ближе, тем меньше вы видите»

Джей Дэниел Атлас

***

Медленно плыла по горизонту черная грозовая туча, в темноте почти неотличимая от неба цвета вороного крыла, но часто сверкавшая где-то вдалеке хаотичными белыми вспышками молний. Раскатистое рычание грома доносилось то тут, то там; то далеко, то совсем рядом, оглушая, лишая органов чувств, парализуя тело ужасом. То и дело налетал жуткий пронизывающий, штормовой ветер, сносящий все на своем пути, ворошивший кроны деревьев, срывавший целые букеты резных листьев с немереным количеством разнообразных жилок. Листья беспокойно бились на ветру, как пойманные птицы, с шумом ударялись друг о друга. Холод проникал под шерсть, заставляя дрожать всем телом.

Нельзя было передать словами, насколько страшными были тени в лесу. Они шипели, двигались, устраивали засады, а потом нападали. Веснянка в страхе отпрыгивала, заметив любое движение, даже будь то лист, сорванный ненасытным ураганом или его тень. Быстролап очень громко вздыхал о том, что взял с собой не Уголька, а "какую-то кошку, которая даже драться не умеет и собственной тени боится".

Луна то скрывалась за деревьями и облаками, то выныривала

обратно, озаряя своим белым светом каждую крупицу этого мира. Звезд давно не было видно. «Как же пить хочется», - подумала Веснянка и наклонилась над небольшой лужицей чтобы сделать пару глотков, но застыла, словно замороженная во времени.

В зеркально-гладкой поверхности лужицы не было отражения бело-рыжей кошечки. Не было звезд. Только кроваво-красная луна, медленно растекавшаяся по черному силуэту. Через миг она обернулась белой кошкой, слабо мерцающей. Луна повернула голову в сторону Веснянки, заставив рыжую шерсть на загривке зашевелиться. Половина мордочки кошки была изуродована, покрыта шрамами, вся в крови, на месте глаза красовалась черная пустая глазница.

- Свора! Свора! Убей! Убей! - закричала Луна.

Кошка вдруг стала чем-то огромным, невероятных размеров, и бросилось на Веснянку. Та взвыла и отпрыгнула, скользнув лапами по мокрой листве. Очнувшись, кошка тряхнула головой, прогоняя наваждение, но образ безликой кошки-луны до сих пор стоял у нее перед глазами.

«Свора! Свора! Убей! Убей!» - до сих пор кричали в ушах грубые голоса на разный лад.

- Что случилось?! - обернулся на ее крик Быстролап. Веснянка снизу посмотрела на него и сглотнула.

- Быстролап... - ее голос дрогнул. - Я думаю, нам стоит вернуться в лагерь. Это плохо закончится...

- Я не испугаюсь, честное слово, - поддразнил ее Быстролап. - Не ты ли говорила мне эти слова, когда я хотел позвать с собой не тебя, а Уголька?

- Я не боюсь! - дерзко выкрикнула Веснянка, вскидывая голову и расправляя плечи. Подняв хвост трубой, она первой важно пошагала в тень леса, но скрипящие ветки заставили ее поубавить пыл. Ночной лес, наполненный неизвестным, представлялся Веснянке очень страшным. Кошка пригнулась,

прижав уши к затылку и расположив хвост параллельно земле.

Бок о бок с Быстролапом они короткими перебежками пробирались к Змеиной горке. Веснянка кожей чувствовала, что друг тоже чувствует опасность, его бьет мелкая дрожь, но он не подает виду. Они выбрались из густого подлеска, оказавшись на залитой лунным светом поляне. Веснянка подняла мордочку к небу. Ей не нравилась эта безликая луна.

Быстролап же первым быстро зашагал к Змеиной горке и запрыгнул на небольшой валун, ветер ворошил его шерсть. Он распушился, защищаясь от холода и гордо вскинул нос к небу.

- Я повелитель Змеиной горки! - испустил он воинственный клич.

Внезапно задрожала земля под кошачьими лапами, и Быстролап припал к низу, распластавшись на камне. Веснянка с интересом привстала на задние лапы, упала на землю и в ужасе завизжала, прячась за спину друга, ее глаза закатились. Она увидела...

. ..их .

Огромные черные монстры - были видны лишь их силуэты, от этого страх перед неизвестным лишь усилился, затмевая собой кошачий разум. Они были больше котят в несколько десятков раз, топали так, что сотрясалась земля, их рычание было страшнее и громче грома.

Черное чудовище нависло над Быстролапом, хищные глаза заблестели. И тут Быстролап с визгом исчез в темноте, оттуда послышался треск раздираемой кожи. Веснянка вскочила и в ярости бросилась на ближайший силуэт. Чудовище взвыло, стряхивая кошку со своей морды, рыже-белая кошка упала на землю, рядом шлепнулся окровавленный Быстролап. Они вместе поднялись на лапы, убегая подальше от чудищ.

- Сюда! - истошно завизжала Веснянка, бросаясь в сторону одиноко стоящего дерева. Быстролап, прихрамывая, уже бежал за ней.

Ученица первой, словно белка, взлетела наверх по стволу дерева, только ее рыжий полосатый хвост мелькнул в воздухе. Через секунду Быстролап, сжав зубы от боли, стараясь не закричать, полез следом, из его разодранного плеча фонтаном хлестала кровь, окрашивая белые пятна на его шерсти в алый.

Лунный свет пролился на черные силуэты, Веснянка распознала в них огромных собак.

- Свора! Свора!

Шерсть Веснянки поднялась дыбом, стоило ей услышать эти слова. Вожак стаи устремился в сторону Быстролапа, чьи когти застряли в коре на середине ствола.

- Убей! Убей!

Веснянка пронзительно закричала, закрывая прекрасные голубые глаза. Бедный Быстролап был обречен, у него даже не было сил сопротивляться. Окровавленный лоскуток его уха безвольно свисал на тонкой нити, чёрно-белые лапы, испачканные в земле и крови дрожали и подгибались, во взгляде скользило отчаяние. Он закрыл глаза, сжался в комок и, внезапно выпрямившись, храбро посмотрел в глаза своей смерти, когда вожак стаи понесся на него с огромной скоростью.

Веснянка прыгнула.

Появившаяся из ниоткуда смелость заставила ее оттолкнуться лапами от ствола дерева. Легко приземлившись на спину вожаку, кошка вцепилась когтями в его уши и разодрала, дико заверещав. Вожак зарычал и сбросил назойливую рыжую кошку с себя.

От удара ее оглушило. Она приподнялась на дрожащих лапах, вскинув голову, волоча задние лапки за собой. Из ее носа текла тонкая струйка крови, она упрямо направлялась к вожаку, приподняв голову. Едва повернув свою лобастую морду в сторону кошки, вожак схватил ее за голову, отбрасывая в сторону. Веснянка пронзительно завизжала, когда ее мордочку

обожгла острая боль. Больше сил на сопротивление не было.

Она еще видела, как в желтых глазах Быстролапа плясали огоньки ужаса и ярости, когда он наблюдал, как падает невесомое рыже-белое тело с алыми пятнами крови на шерсти. Еще слышала его вопль, его предсмертный визг, когда он в отчаянии бросился на вожака. А потом его тело шлепнулось рядом. Вокруг Веснянки все померкло, не осталось ничего кроме застывших блекло-желтых глаз. Да и те потухли, оставив после себя лишь хрустальные слезы на щеках Веснянки.

Над ухом раздался зловещий шепот, заставивший Веснянку содрогнуться и завизжать от ужаса, собрав последние силы.

- Чем внимательней ты смотришь, тем меньше ты видишь, глупая.

Это говорила кошка-луна.